

Олег Мраморнов

БИОГРАФИЯ ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ

О фильме Олеси Фокиной «Избранник»

Независимая газета
1998, - 6 окт. - с. 7

РЕЖИССЕР Олесь Фокина, известная по телефильмам о Валдике Сидуре и Мерабе Мамардашвили, показывает сейчас в камерных московских залах две (третья пока в производстве) отснятые ею по собственному сценарию серии телевизионного документального фильма об Александре Солженицыне под общим названием «Избранник». Первая носит название «Вложенная цель», вторая — «Математик».

Солженицынский сюжет не нов, хотя, кажется, еще долго будет волновать нас. В обширной воспоминательной прозе (прежде всего «Бодался теленок с дубом» и начатые в сентябрьской книжке «Нового мира» очерки изгнания «Угодило зернышко промеж двух жерновов») Солженицын тщательно препарирует сам себя в общественно-политическом и литературном контексте уходящего столетия. «Раковый корпус», «В круге первом», «Матренин двор» и целый ряд других рассказов, публицистических выступлений, очерков, миниатюр довольно легко позволяют реконструировать жизненные перипетии автора, его психологию, время, среду, круг владевших им в тот или иной период чувств, мыслей, идей. Одним словом, Солженицын подробно написал (и пишет) о себе сам. Он предлагает готовое жизнеописание, готовую биографию.

Как всякий писатель-мемуарист, сделавший собственную жизнь предметом литературно-художественного анализа и описания, он, очевидно, подразывает: вот то необходимое и достаточное, что вам (читателям) следует обо мне знать; вот та экспликация моей жизни, которая может представлять общественный интерес; вот то пережитое и личное, что я посчитал необходимым придать гласности. Дальнейшее пересказу не поддается или не подлежит.

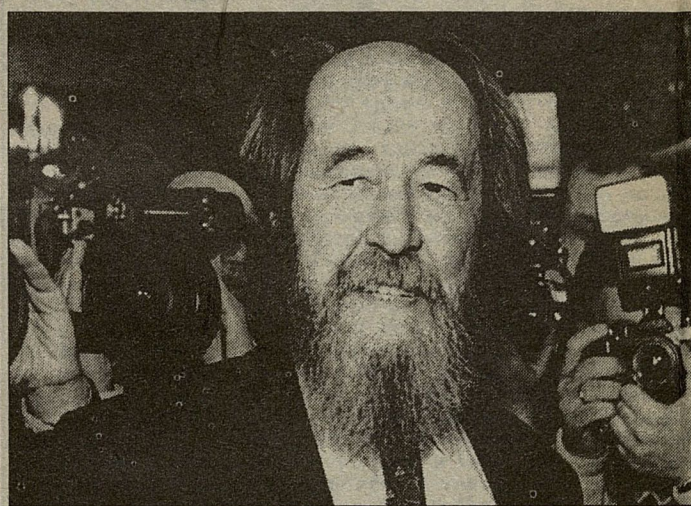
Писатель, как правило, оставляет после себя свою внутреннюю, сосредоточенную на проблемах творчества (иногда зашифрованную) биографию, а читатель (биограф, исследователь) непременно желает эту биографию развернуть, детализировать. Без умолчания, конечно, литературы не бывает — жизнь писателя уходит как в текст, так и в подтекст его сочинений. И то, что в тексте, и то, что в подтексте, есть биография внутренняя, литературная. Только в подтексте она клубится причудливыми, вы-

ходящими из-под авторского контроля, дымами (см., например, версию внутренней биографии Солженицына, основанную на анализе его авторских текстов, в статье Олега Давыдова «Демон Солженицына» в «НГ» от 16. 05.98, приложение «Фигуры и лица»).

Помимо внутренней, у писателя есть еще и биография внешняя. Это тот след, который собственная биография писателя оставляет в судьбах других людей. Вся моя биография в моих произведениях, говорил Иван Тургенев. Однако не убедил: нам подавай и Полину Виардо, и эпистолярный, и воспоминания и наблюдения очевидцев. Читатели не удовлетворяются ни текстами, ни подтекстами, ни рассказами автора о самом себе — допытываются большего. Такая любознательность (и любопытство, если оно не переходит границы приличий) не обязательно зло. Она держит писателя в фокусе внимания и продлевает его пребывание во времени. Разумеется, писателя, которого читают. Биографиями нечитаемого писателя мало кто интересуется. Это устойчивый способ бытования культуры.

Фильм Олеси Фокиной — фильм человека любознательного. Ее пристально интересуют герои. Интересует и как избранный судеб, и как выдающийся литератор, и как человек. Она перелопачивает огромный литературный и изобразительный материал, дает разные ракурсы Солженицына, снимает его самого, жену, детей, друзей, позволяет им высказаться, создает динамичный, держащий зрителя в неослабном внимании видео- и звуко-ряд. Запоминаются скупые, прежде не слышанные воспоминания Солженицына о детстве и матери, тот порыв, с которым передано его возвращение из ссылки на Большую землю. Тут все распахнуто настежь. Солженицын полон замыслов. Начинается большая работа, большая литература.

Отныне вся жизнь — литература. После чудесного исцеления от раковой опухоли в 1954 году Солженицын считает свою жизнь не принадлежащей ему самому, но имеющей своим главным содержанием вложенную в нее цель. Исполнение этой вложенной свыше цели и составляет смысл жизни. Для того чтобы достичь цели — создать литературу, судьба должна идти по за-

Александр Солженицын.
Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

ранее рассчитанному пути. Жизнь на авось, куда вынесет, нельзя. Появляется измерение жизни, которое называется точностью судьбы. Солженицын по образованию и по первоначальной работе — математик. Кому, как не ему, под силу вычертить линию точной судьбы. Автор фильма показывает, как ценой невероятных усилий герой исполнил вложенную задачу и цель: он написал «ГУЛАГ», он создал литературный, он отдал свой долг миллионам невернувшихся. Одновременно, однако, возникает ощущение, что точных судеб вообще не бывало, что, помимо нашего желания и воли, кто-то каверзничает над человеком.

С тех пор как Солженицын решился на противостояние и борьбу с режимом, ему стало легко. Решившись, ступишь на предначертанный путь — и легко станет идти. Точно прочерченный маршрут приводит к победе: Нобелевская премия, мировой успех, крушение ненавистного коммунизма. Солженицын шел своей дорогой и не смотрел по сторонам: что там, на обочинах, делается. Вернее, фиксировал, но не останавливался. Было некогда. Если бы он всем утирал слезы, то «Архипелаг» не был бы напечатан, как высказался один человек из солженицынского окружения.

Какой он ни есть одиночка, одному ему было не идти. Находи-

лись люди, без которых не состоялась бы его литература. Солженицын отдал дань памяти этим людям в «Невидимках» — серии приложений к «Теленку...» зарисовок о спутниках и помощниках в своей жизни. Но эти зарисовки коротки, фрагментарны, и Фокина, двигаясь вслед за Солженицыным, в какой-то момент решила взять паузу, не спешить, внимательно оглядеться по сторонам. Она продолжила «Невидимок». И задержалась тут надолго: трагические развязки судеб некогда близких писателю людей вступили в противоборство с заданной Солженицыным точностью и определенностью. Фокина затеплила свечи в память этих людей и одновременно показала, как драматично взаимодействуют внутренняя и внешняя биографии.

Несколько судеб она взяла крупным планом: бесчисленное количество раз перепечатавшая «ГУЛАГ» машинистка Елизавета Воронянская; талантливый историк литературы Ирина Томашевская, чью рукопись «Стремя Тихого Дона» Солженицын потом издаст за границей. Обе кончают самоубийством, обе не выдерживают: ситуация подполья, преследования, арест в случае с Воронянской, отчаяние и страх в случае с Томашевской. Солженицын упрямо идет вперед. Его жизнь уже не принадлежит ему, она принадлежит литературе как главному оружию борьбы. Он не

виноват, что кто-то рядом устал, надломился. В конце концов он не звал их на свой смертельно рискованный путь. Они пришли сами. Они хотели быть рядом. Это наполнило смыслом их жизни. Это приобщило их к большой литературе противостояния. Но литература, как выясняется, не только успех и триумф. Есть мохолом литературы, который ищет жертв. На внутреннюю биографию писателя наплывает его внешняя биография, точный рисунок размывается...

Фокина не обошла стороной и драматические взаимоотношения нобелевского лауреата с Варламом Шаламовым и с Александром Твардовским. Оба сюжета чрезвычайно глубоки и еще не раз будут предметом литературных разногласий. Было бы неверно утверждать, что автор фильма исчерпывает эти сюжеты до конца, однако откровенно, что он отдает себе отчет в их драматизме и глубине.

Ахматова в свое время предупреждала Солженицына, что слава может быть пострашней лагерей. Солженицын не уstraшил. Пристальность, с которой ведет свое повествование Олесь Фокина, утяжеляет бремя славы героя. Это тяжелая слава, нелегкий успех. Пристальность автора нельзя путать с предвзятостью. Здесь, вероятнее всего, имеет место постепенное погружение, вовлечение автора в судьбу своего персонажа. Судьба больше биографии. Из судьбы нельзя исключить и биографию внешнюю, которая покушается на выверенную точность судьбы.

Третья серия о вернувшемся на родину Солженицыне будет называться «Осень патриарха». Хотя Солженицын, когда его спрашивают о личном, говорит, что он об этом уже написал, либо что личной жизни у него нет, а есть только общественная, Фокина, по ее словам, делает фильм не о прижизненном памятнике писателю, а о человеке во всей его противоречивости и сложности. Это обещает продолжение переплетающихся биографий.

Конечные титры фильма гласят: «По заказу НТВ». Но, как объяснила режиссер, не вдаваясь в подробности, это уже в прошлом. Хочется все же надеяться, что аудитория фильма не ограничится узким кругом лиц, присутствовавших на просмотре в клубе «Кино».